

DOI: 10.15393/j9.art.2020.8243

УДК 821.16

Таня ПоповичБелградский университет
(Белград, Сербия)

tanja.popovic19@gmail.com

Литературное наследие *Slavia Orthodoxa*: между каноном и архетипом

Аннотация. В центре исследования — культурная модель *Slavia Orthodoxa* и ее литературное наследие. В работе учитываются идеи М. М. Бахтина, Р. О. Якобсона, Р. Пиккио, Д. Оболенского, Б. А. Успенского, Ю. М. Лотмана, И. А. Есаулова и других. Литературы *Slavia Orthodoxa* внутренне и исторически образуют особую модель культуры, развивающуюся по своему не только в Средневековье, но и позднее, в процессе формирования современной национальной словесности. В работе рассматриваются несколько существенных филологических, славяноведческих вопросов, связанных с традицией *Slavia Orthodoxa*: о значении и влиянии христианства на развитие европейской философии; о проблемах исторического релятивизма и различных общественных детерминант литературы и искусства; о периодизации искусства и формирования литературного канона; об историческом континуитете и дисконтинуитете в отдельных национальных традициях; о мироощущении и идеологии текста, о диалогизме речи и о культурных архетипах.

Ключевые слова: *Slavia Orthodoxa*, историзм, модель культуры, литературный канон, культурный архетип

Об авторе: Попович Таня — PhD, профессор кафедры сравнительного литературоведения и теории литературы факультета филологии, Белградский университет (Studentski trg 1, Белград, Сербия, 11000)

Дата поступления: 15.02.2020

Дата публикации: 25.05.2020

Для цитирования: Попович Т. Литературное наследие *Slavia Orthodoxa*: между каноном и архетипом // Проблемы исторической поэтики. — 2020. — Т. 18. — № 2. — С. 25–41. DOI: 10.15393/j9.art.2020.8243

В теории литературы XX в., особенно в структурализме, возник повышенный интерес к новинкам в сравнительном исследовании истории и динамики славянских литератур. В медиевистике важное место занимает концепция итальянского ученого Рикардо Пиккио о биполярном развитии славянских культур и литератур, которые он предложил разделить

на две группы: *Slavia Orthodoxa* и *Slavia Romana*. Если западные славяне развиваются под влиянием католической церкви и латинского языка, то культура и словесность восточных хотя и формируется под сильнейшим византийским влиянием, но все-таки на основе не древнегреческого, а церковнославянского языка, сотворенного общеславянскими просветителями св. Кириллом и св. Мефодием. Многообразные стилистические, жанровые и социальные функции языка были определены различными модульными системами культур, что оказало огромное влияние на особую динамику развития восточнославянских литератур. Понимание идеологии текста связано с вопросами употребления языка и стиля и риторическими приемами, причем эти вопросы рассматриваются не с внешней, а с внутренней стороны, имманентно. Библейские цитаты выполняют семантическую и образовательную роль: с их помощью утверждается общая семантика текста или *уровни значений* [Picchio, 1991], [Picchio, 1998].

О двойственности мира европейского Средневековья упоминает и британский историк Дмитрий Оболенский, описывая «Византийское содружество наций» (термин Д. Д. Оболенского) — *The Byzantine Commonwealth*. Это содружество, сложившееся в пределах и под влиянием Византийского царства, представляет своеобразное единство греко-славянских культур. Оболенский подчеркивает космополитизм Восточной империи, дух которой переняли и другие восточные нации. Он говорит о двух решительных «встречах» славянства с Византией — переводе святых книг, созданных св. Кириллом и Мефодием, и духовной деятельности Афона, где переводились, переписывались и прочитывались разнообразные славянские и греческие тексты. Духовное единство «Византийского содружества наций», конечно, было изменчиво, разделено на отдельные народы и государства, нередко воевавшие между собой. И все-таки восточному содружеству наций удалось сохранить «различность в единстве» начиная со второй половины IX и до середины XV в. [Obolensky].

Данные концепции Р. Пиккио и Д. Оболенского, а также другие более или менее сходные интерпретации наследия и миссионерства Кирилла и Мефодия, точнее, перевода

библейских книг на славянский язык, приобщение к церковнославянскому языку или отречение от него, поднимают несколько существенных вопросов: о значении и влиянии христианства на развитие европейской философии; о проблемах исторического релятивизма и различных общественных детерминант литературы и искусства; о периодизации искусства и формирования национальных литератур; об историческом континуитете и дисконтинуитете в отдельных национальных традициях; о функции литературных идиом; о развитии литературных форм; о мироощущении и идеологии (понимании) текста, о диалогизме речи, о модели культуры и т. д.

Рассмотрим некоторые из перечисленных вопросов.

Периодизация и литературный канон

Уже к концу XIX в. во французской историографии динамика европейского искусства и культуры рассматривается имманентно, так как ее периодизация основывается на стилистическо-исторических принципах, которые существенно определили значение терминов Возрождение, барокко, а позже — классицизм, романтизм, реализм и т. д. Сравнительное литературоведение XX столетия во главе с Рене Уэллеком считает, что именно взаимообусловленность течений и стилей является гарантией целостности и единства европейского наследия, его культуры, искусства и литературы [Wellek]. С другой стороны, в конце XX столетия появилась теория Гарольда Блума о литературном каноне Запада. Г. Блум о каноне пишет как о своеобразном выражении «индивидуального потребления», причем прочтение «элитарных» представлений, которые «сами себя канонизируют», он определяет как личный поступок как автора, так и исследователя [Блум].

Обе приведенные концепции, хотя и имеют разное теоретическое направление, порождают очень важный вопрос в современной славистике: возможно ли литературы *Slavia Orthodoxa* считать частью выстроенной в таких рамках европейской традиции, или же они представляют какой-то иной духовный и эстетический мир? (См. об этом: [Поповић, 2019]).

Литературные направления в западноевропейской традиции и в *Slavia Orthodoxa* не совсем совпадают хронологически;

прежде всего они неодновременны. Так, например, те направления ренессанса и барокко, которые возникали и развивались в Западной Европе, не были в православных странах. Сомнительно и существование «мелких» стилевых течений XVIII в. (сентиментализма, роккоко, пиетизма). Современные искусствоведческие исследования, в которых упоминаются художественные характеристики ренессанса или барокко в сербском или русском искусстве XV–XVIII вв., прежде всего основываются на сходных стилистических и типологических особенностях, которые можно считать результатом прямого влияния западноевропейских течений. Более того, в творчестве одного поэта или писателя нередко очевидна своеобразная смесь разных стилевых течений.

Например, в сербской истории литературы вместе с эмансипацией народного языка очень медленно и стихийно проявлялись лишь некоторые черты новых европейских стилевых направлений. Начало сербской литературы Нового времени (вторая половина XVIII в. — 30-е гг. XIX в.) связано с откликами на западноевропейский сентиментализм и бидермайер. Точнее, формы светской сентиментальной культуры и литературы в то время связываются с фольклорным наследием; а в течение 30–40-х гг. XIX в. доминирующий стиль приближается к европейскому классицизму, унаследованному из французской культуры XVII столетия. В сербском литературоведении существует понятие «объективная лирика», обозначающее «нормативную поэтику» [Павић].

Заметим также, что четкого разграничения между разными течениями не было. Более того, стилевые признаки отдельных течений наблюдаются одновременно в одном и том же произведении. Например, в художественных эпопеях первой половины XIX в. сплетаются воедино формальная метрическая строгость классицизма, сентиментальный повествовательный тон и романтическая мятежность.

Стихийное восприятие разных стилей влияло на специфическое развитие литературных форм и на динамику жанровой эволюции, на формирование и / или понимание литературного канона.

Язык. Речевые формы. Жанры. Стиль

На специфику речевых форм в славянской письменности указал Роман Якобсон, подчеркивая, что именно язык —

«главное, что объединяет славян». Общеславянское языковое родство обеспечено родством фонетики, морфологии и синтаксиса. Поэтому для сравнительного изучения славянских литератур естественнее всего было бы сосредоточиться на тех элементах художественного творчества, которые наиболее тесно связаны с языком. Говоря об общих характеристиках поэтики, Якобсон пишет о влиянии языкового материала на словесность: на аллитерацию, на этимологические фигуры (парегемнон, полиптотон, параномазия), сходную структуру стиха (метрических моделей и структуры рифмы). Применяя распространенную в XX в. теорию взаимообусловленности мифа и языка в диахроническом, равно как и в синхроническом отношении, известный ученый настаивает на необходимости сравнительного изучения славянского фольклора, так как «языковое родство — наиболее отчетливое проявление славянского единства», и это родство «указывает на принадлежность человека к славянскому миру» [Якобсон: 25].

Когда речь идет об общеславянской письменной традиции, Якобсон обращает внимание на общий характер древнецерковнославянской литературы. Христианское ответвление классической греческой культуры через церковнославянский язык глубоко проникло в славянский мир.

В сущности, «главный герой» славянского сравнительного литературоведения — общеславянское наследие и его воздействие на славянские литературы в целом. Якобсон выделяет три типа общего наследия: родство славянских языков, общую устную традицию и древнецерковнославянский язык. С точки зрения истории литературы (литературной эволюции), важнейшим фактором межславянского взаимопроникновения оказались греческая и латинская культуры. Таким образом, частные славянские литературы и общеславянское наследие должны исследоваться в тесной связи друг с другом. Кроме того, славянские литературы также необходимо считать частью общеевропейской (мировой) культурной традиции.

Но есть и разница. Первоначальное разделение стилевых функций латинского и народного языков в *Slavia Romana* или *Slavia Latina* довольно рано позволило использовать народный язык как язык литературы (XV–XVI вв). Одновременно принятый

литературой народный язык стал основой свободного усваивания фольклорного наследия. Влияние народной традиции, с одной стороны, и античной литературы, с другой, оформили новую жанровую систему, обозначив таким образом новый этап в развитии литератур, а также в становлении отдельных национальных литератур на европейском Западе (см.: [Curtius]).

«Судьба» литературы и языка у православных славян была другая благодаря, между прочим, сближению церковнославянской и разговорной речи, свойственному в начале их письменности, т. е. в Средние века. Именно потому в XVIII и XIX вв., когда литературы православных славян искали новые пути, произошел разрыв с культурной моделью Средневековья и, вместе с ним, с церковнославянским языком. Отдалявшиеся от древнего наследия литературы одновременно усваивали как народный язык, так и новые темы, жанры и стили. Новые литературные принципы православные (точные) славяне искали не только в наследии собственного фольклора, но и в западноевропейской традиции.

В поиске новых поэтических форм поэты опирались на национальную фольклорную традицию, из которой взяли язык и его устойчивые формы выражения, а также на византийское или церковное наследие, из которого заимствовали религиозные темы, библейские и апокрифические сюжеты и мотивы, связывая их с современной, западноевропейской жанровой системой. В результате такой эстетической и творческой деятельности возникают гибридные жанры: религиозная поэма, стихотворные апокрифы, лирические переложения псалмов, исповедь и проповедь в романной форме (например, «Записки сумасшедшего» Н. В. Гоголя или «Записки из подполья» Ф. М. Достоевского).

Борьба народного и литературного языков

Естественный (разговорный) язык — один из главных компонентов национальной культуры. «Языковая модель мира становится одним из факторов, регулирующих национальную картину мира», — писал Ю. Лотман в монографии «Анализ художественного текста» [Лотман: 34]. В связи с этим вспомним и теорию Б. А. Успенского о переходе церковнославянско-русской

диглоссии к церковнославянско-русскому двуязычию и к дальнейшему синтезу двух языковых стихий в поэтическом творчестве Пушкина [Успенский].

Борьба с языком играла важнейшую роль в развитии славянских литератур. Принятие народного языка как языка литературы привело одновременно к отказу от древней, преимущественно церковной традиции и возобновлению фольклорных жанров. Языковые реформы православно-славянских литератур протекали неоднозначно и неодновременно. Борьба и полемика происходили лишь в вопросах грамматики и правописания, затрагивая иногда и проблемы слога. Например, в прозе, как правило, находим торжественную риторику церковнославянского языка, а в жанровом отношении — влияние апокрифа, библейских книг, агиографии и летописей. Поэтические произведения, с одной стороны, искали формы выражения либо в фольклорном наследии, либо в современной западной литературе. Заимствуя из фольклора структуру стиха (метрические модели) — десятисложный стих народной поэзии, восьмисложный стих гражданской лирики или тринадцатисложный польский стих, — поэты одновременно перенимали и их выразительные средства, формулы, а также их идиомы. Выбор сюжета, как правило, подразумевал и выбор языка. Жанровая функция стихосложения обусловила выбор народного языка. В лирике ощущаются влияния разных литературных традиций: национального фольклора, итальянского стихосложения, стихосложения французского классицизма, гражданской поэзии. «Чужая» метрическая модель влияла и на преобразование словесного материала, касаясь преимущественно торжественной риторики. С другой стороны, в прозе заметим своеобразную смесь народной и церковной идиом.

Значит, выбор идиом был обусловлен жанровой и стилевой функциями. Языковая диглоссия в литературах Нового времени вызвана именно разными жанровыми и стилевыми функциями языка. Причем в поэзии преобладает народный язык, тогда как в прозе сохранилась торжественная церковная риторика.

Художественное понимание литературных форм и их места в иерархии жанров нередко сопровождалось постановкой

проблемы стиля и языка. Лишь позднее поэты и критики начали говорить о конструктивных принципах, о внутренних правилах отдельных литературных произведений. Взаимодействие эпического и лирического принципов, народности и влияний извне, правды и вымысла обсуждались в дискуссии В. С. Караджича, Дж. Малетича, Й. Стерии-Поповича и др. [Скерлић], [Деретић], [Поповић, 2010], в полемике между архаистами и новаторами [Тынянов, 1929]. Одновременно речь шла и о вопросах «высокого» и «низкого» стилей. Но, в отличие от предыдущих эпох, торжественный стиль больше не был обусловлен языком (идиомой). Литературное внимание сосредоточилось на приемах, на выборе тем и жанров и особенно на конструктивных принципах прозы и поэзии [Тынянов, 1977].

Диалог национальной и чужой традиции

Проблема языка и стиля, очевидно, крепко связана с проблемой происхождения идиом и жанра. В национальном наследии встречались лишь фольклорные и церковные формы. Диапазон их был не широк, заключаясь в героических или религиозных поэмах, или в мелких речевых жанрах. Именно поэтому славянские писатели, получившие образование за границей, заимствовали жанры из чужого литературного наследия. Результаты такого процесса особенно видны в лирике, в использовании жанров элегии, *ottava rima*, анакреонтики, сонета, однако принятие западноевропейских жанров всегда учитывало национальную традицию. Так, например, очень популярная форма идиллии, или баллады, в сербской литературе деформировалась благодаря эпическому десяти-сложному стиху и героическим формулам выражения.

В этот же период особенно популярны были ода и анакреонтика. В русской традиции ода оформилась в результате взаимодействия с традициями французского классицизма, а также эллинского стихосложения; в сербской она усваивалась благодаря русскому влиянию. Похожий процесс появляется и в оформлении других жанров, таких как, например, анакреонтика. Заметим, что почти одновременно с изданием сборника Державина «Анакреонтические песни» (1804) в Будиме в 1809 г. напечатан первый сборник лирических стихотворений

на сербском языке (И. А. Дошенович), в котором кроме сонета и оды самую важную часть получила анакреонтика (особенно переложение русского стихотворения «Разговор с Анакреоном» М. В. Ломоносова).

Смешение лирических западноевропейских форм и народного стихосложения можно обозначить как период становления национальной поэзии, взаимодействие лирики и эпики обусловило самобытное развитие славянских литератур в наступившей эпохе.

Континуитет и дисконтинуитет

О дисконтинуитете и континуитете в русской словесности XVIII в. писал Ю. М. Лотман в своем труде «Русская литература послепетровской эпохи и христианская традиция» [Лотман: 254–265]. «Послепетровская эпоха» в историю вошла как время разрыва со средневековой традицией и создания новой культуры, полностью секуляризованной. Но реальность была сложнее. Секуляризованная культура самими ее создателями замышлялась в традиционных формах как новое крещение Руси (похожий процесс, заметим, проходил и в XX в., в проекте большевиков по созданию научного атеизма). Кроме того, традиция русской (православной) средневековой культуры не была однозначна: она создала двойную модель религиозной и светской письменности с различной степенью влияния. Тем самым разрыв со Средневековьем так и не совершился до конца.

Лотман подчеркивал одну из важнейших характеристик письменности, унаследованную от древних времен: писатель, книга и текст — носители высшей истины. Литературе приписывалась пророческая функция, что естественно вытекало из средневеково-религиозного представления о природе Слова. Создание светской, полностью мирской литературы на основе русской светской культурной традиции, с одной стороны, и европейских влияний — с другой, должно было лишить Слово его мистического ореола и превратить его в слово человеческое, подлежащее проверке и критике.

Не случайно слово «художник» в языке XVIII в. применяется к ремесленнику. Поэт — не художник, он выступает в роли

носителя высшей истины, он — пророк. Таким образом, поэтическое слово получает ценность Слова, дарованного свыше, наделенного особым авторитетом (ср. стихотворения «Пророк» у Пушкина и Лермонтова; или в сербской традиции стихотворение Л. Костица «Вилованка»).

Появляется новый вдохновитель — государство, например, в творчестве М. В. Ломоносова. Вследствие этого возникают гимны и оды, посвященные не светителю, а Государству. Похожий процесс очевиден и в сербской традиции. Например, Захарие Орфелин в середине XVIII в., в эпоху «безгосударственности», написал «Плач Сербии» и «Горестный плач Сербии» (1761); через полвека Доситей Обрадович в ходе Первого сербского восстания против турок и восстановления сербского государства написал гимн «Востани Сербије» (1808). Стихотворная метафизика государственности встречается и позже в лирике Ф. Тютчева («Умом Россию не понять...», 1866), А. Блока («Русь», 1906; «Россия», 1908), С. Есенина («Русь», 1914) — в русской литературе, а в сербской — в стихотворениях Й. Дучича («Ave Serbia») или М. Црнянского («Сербия», 1925).

Лотман также заметил, что благодаря пониманию «высокой общественной миссии поэта-прорицателя», интерес к ветхозаветным сюжетам и мотивам проявлялся более, чем к новозаветным. В русской поэзии очень много переложений псалмов, которые становятся отдельным жанром; в сербской литературе конца XVIII и первой половины XIX в. господствующий жанр — поэма с ветхозаветным сюжетом об Авраме, об Иосифе и его братьях, об Юдифи, о Товии, в поэтическом творчестве Викентия Ракича, Гаврила Ковачевича и Милована Видаковича, а позже и у одного из крупнейших поэтов сербского романтизма, Лазы Костица («Самсон и Делила»).

Ю. Лотман указал и на роль писателя-мученика, отшельника («Именно эта способность подкрепить авторитет слова мученическим подвигом дает право на место пророка»), на писателя, который писал о юродстве и, как юродивый, «возлюбил свою бедность» [Лотман: 258]. В качестве примеров он привел Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого, их бездомный образ жизни и отказ от быта.

В настоящее время, т. е. в современной русской литературе, похожие сюжеты и идеологию находим, например, в романе «Лавр» (2012) Е. Водолазкина. В этом смысле интересны сходства и различия между современными мировыми романами с историческим сюжетом из Средневековья: «Имя розы» (1980) У. Эко, «Меня зовут Красный» (1998) О. Памука, в сербской литературе: «Хазарский словарь» (1984) М. Павича и «Совершенная память о смерти» (2008) Р. Петковича. В их центре — уединенный герой, подвижник, монах, отшельник. Но их сюжетная обработка неодинакова. В русском и сербском романах отсутствует «незатейливая детективная фабула», хотя она, по словам У. Эко, в западном романе поставлена на второй план. Разное отношение и к любви, к Другому, особенно к женщине, к «личной жертве»; из чего возникает и (не)готовность к полному отказу от светской, мирской жизни (такая готовность присуща только «восточному» роману). Разное понимание этических и государственных (юридических) категорий, таких как месть и милосердие (милосердие отсутствует в «западных» романах). С другой стороны, в центре почти каждого произведения стоят идеологические вопросы, относящиеся к современному пониманию культуры и истории; общее — тяготение к экуменизму или к примирению Востока и Запада; разница — в подходе: рациональном — в западном романе и эмоциональном — в восточном.

Вернемся к XVIII в., для которого, по мнению Лотмана, характерно стремление отделить христианство от церковности, а также возникновение «политической религии» (выражение П. Чаадаева). Все эти черты противоречивого развития русской постпетровской культуры, или постсредневековой культуры в *Slavia Orthodoxa* в целом, определили и развитие искусства и литературы в Новое время. «Секуляризация культуры не затронула глубоких структурных основ национальной модели, сложившихся в предшествующие века. Набор основных функций сохранился, хотя и изменились материальные носители этих функций» [Лотман: 256]. Лотман как бы обозначил новые темы и новые подходы исследования *Slavia Orthodoxa* в постмодернизме или постструктурализме.

Далекий контекст понимания и культурные архетипы

Существует и иная научная установка, которая актуализует «далекий контекст понимания» и которая тоже оказала

большое влияние на идеологию постструктурализма. Речь идет о теориях Бахтина и их восприятии на Западе. Согласно его подходу, великие литературные произведения «разбивают грани своего времени», они «как бы перерастают то, чем они были в эпоху своего создания». В «своей посмертной жизни» произведения «обогащаются новыми значениями, новыми смыслами» [Бахтин: 361–373].

Так, например, Е. Водолазкин указал на два возможных подхода в сравнении современной литературы и наследия Средневековья: искать в Средневековье, в прошлом то, чего нет в современном мире, и наоборот — определить, что в современном мире есть от предшествующих времен [Водолазкин: 37].

С. Бочаров упоминает о генетической памяти литературы, говоря о «странных сближениях» более или менее удаленных друг от друга в пространстве и времени произведений и текстов, которые невозможно или трудно объяснить прямым влиянием текста на текст и сознательной целью писателя [Бочаров: 5–44]. Андрей Ранчин рассматривает библейскую образность в древнем и нововековом искусстве, мотивы смирения и кротости в словесных произведениях, обращаясь одновременно и к сфере литературного генезиса, и к сфере миросозерцания [Ранчин: 66–82].

В центре исследований Ивана Есаулова — идеология текста. В словесном наследии *Slavia Orthodoxa* он подчеркивает своеобразный *христоцентризм*, присущий не только древнерусской словесности, но и русской литературе Нового времени. Однако христоцентризм является также важнейшим атрибутом христианской культуры как таковой. Годовой литургический цикл ориентирован как раз на события жизни Христа. Основными из них являются Его Рождение и Воскресение. Поэтому важнейшие события литургического цикла — празднование Рождества и Пасхи. Если в западной традиции можно усмотреть акцент на Рождество (и, соответственно, говорить о *рождественском* архетипе), то в традиции Восточной Церкви Воскресение остается главным праздником не только в конфессиональном, но и в общекультурном плане, что позволяет высказать гипотезу о наличии особого *пасхального* архетипа и его принципиальной

значимости для православной культуры. С этой точки зрения, И. Есаулов в литературном и культурном текстах интерпретирует понятия *благодать*, *соборность*, *юродство*, *ипостась* и т. д. [Есаулов]. Похожая обстановка наблюдается и в сербском культурном архетипе. Пасхальный архетип, о котором писал И. Есаулов, особенно ярко проявляется в косовском мифе, в отвержении «царства земного» и выборе «царства небесного» [Поповић, 2019: 46–47].

Выводы

Несмотря на различия между Западной и Восточной славянскими литературами, процесс взаимопроникновения народной культуры, языка и письменного наследия всегда происходил по тождественным правилам. Частично он был связан с современным пониманием нации и отношениями между принципами индивидуального и коллективного идентитета. Но если исторические течения восточных и западных европейских литератур шли разными путями, то это различие отразилось и на динамике их развития. Современные литературы, некогда принадлежащие *Slavia Orthodoxa*, в процессе перехода с книжного на разговорный язык имели иногда более разнообразное художественное наследие, чем литературы *Slavia Romana* в эпоху Ренессанса или барокко. В частности, интересна литературно-лингвистическая ситуация в русской культуре, которая с XVIII в. и позже интенсивно развивает диалог с западноевропейским наследием. Влияние французского, немецкого, а также английского языков как языков дворян и образованных общественных слоев обеспечило внутреннее приобщение к западноевропейскому наследию в целом. С другой стороны, на юго-западе Европы, у сербов, которые получили образование в итальянских и австрийских университетах, ощущается влияние средневропейских стилевых и жанровых тенденций. Именно с этой точки зрения можно говорить о тенденциях барокко, классицизма или рококо в художественном творчестве *Slavia Orthodoxa*. Причем эти разнообразные художественные тенденции взаимопроникновенны с фольклором и местным наследием.

Особенность литературного развития в *Slavia Orthodoxa* должна учитываться и при исследовании ее современного творчества. Тогда исчезает вопрос, существует ли дисконтинуитет в историческом развитии болгарской, сербской, русской или новогреческой литератур. Источники европейской литературы одни и те же — соответственно, родственной необходимо считать и их эволюцию. Разница между наследием Востока и Запада в большинстве случаев обусловлена внелитературными факторами. Эта разница воздействовала на динамику литературной эволюции, но не оказала влияния на структуру и закономерность самого процесса.

В заключение следует подчеркнуть, что литературы и язык *Slavia Orthodoxa*, без всякого сомнения, внутренне и исторически образуют особую модель культуры, развивавшуюся по-своему не только в Средневековье, но и позднее, в процессе формирования современной национальной словесности. Этот факт не означает их отстранения от общеевропейской литературы и культуры, но требует от каждого исследователя учитывать их своеобразие.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. — М.: Искусство, 1979. — 424 с.
2. Блум Г. Западный канон. Книги и школа всех времен / пер. с англ. Д. Харитоновой. — М.: Новое литературное обозрение, 2017. — 671 с.
3. Бочаров С. Генетическая память литературы. — М.: РГГУ, 2012. — 341 с.
4. Водозазкин Е. Г. О средневековой письменности и современной литературе // Текст и традиция: альманах, 1. — СПб.: Росток, 2013. — С. 37–65.
5. Есаулов И. А. Русская классика: новое понимание. — СПб.: Алетейя, 2012. — 448 с.
6. Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии. — СПб.: Искусство-СПб., 2011. — 848 с.
7. Ранчин А. Древнерусская словесность и русская литература Нового времени: к проблеме преемственности // Текст и традиция: альманах, 1. — СПб.: Росток, 2013. — С. 66–82.
8. Тынянов Ю. Н. Архаисты и новаторы. — Л.: Прибой: 1929. — 598 с.
9. Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. — М.: Наука, 1977. — 578 с.
10. Успенский Б. А. Краткий очерк истории русского литературного языка. — М.: Гнозис, 1994. — 242 с.
11. Якобсон Р. О. Работы по поэтике / ред. М. Л. Гаспаров. — М.: Прогресс, 1987. — 464 с.
12. Curtius E. R. European Literature and the Latin Middle Ages. — Princeton: Princeton University Press, 1953. — 662 p.

13. Деретић Ј. Историја српске књижевности. — Београд: Нолит, 1983. — 706 с.
14. Obolensky D. The Byzantine Commonwealth: Eastern Europe, 500–1453. — New York: Praeger Publishers, 1971. — 445 p.
15. Павић М. Историја српске књижевности класицизма и предромантизма. Класицизам. — Београд: Нолит, 1979. — 570 с.
16. Picchio R. Letteratura della Slavia ortodossa. — Bari: Edizioni dedalo, 1991. — 546 p.
17. Picchio R. Open Questions in the Study of the 'Orthodox Slavic' and 'Roman Slavic' Variants of Slavic Culture // Contributi italiani al XII Congresso Internazionale degli Slavisti. — Napoli, 1998. — Pp. 1–23.
18. Поповић Т. Песници и поклници. — Београд: Службени гласник, 2010. — 257 с.
19. Поповић Т. Источни канон. — Нови Сад: Издавачка књижарница Зорана Стојановића, 2019. — 277 с.
20. Скерлић Ј. Историја нове српске књижевности. — Београд: Просвета, 1967. — 581 с.
21. Wellek R. The Concepts of Criticism. — New Haven: Yale University Press, 1963. — 420 p.

Tanja Popović

*The University of Belgrade
(Belgrade, Serbia)*

tanja.popovic19@gmail.com

Slavia Orthodoxa Literary Tradition: Between Canon and Archetype

Abstract. The paper examines theoretical, methodological and comparative problems related to the studies of literature of Slavia Orthodoxa. Special attention has been focused on different evaluations of this literary method in various scholarly circles, both in the East (Jakobson, Lotman, Uspensky, Esaulov), and the West (Picchio, Wellek, Obolensky, Bloom, etc). Starting from Bakhtin's idea that the history and development of a literary form and expression determine its presence, the paper discusses whether it is possible to talk about Slavia Orthodoxa outside the context of the Middle Ages.

Keywords: Slavia Orthodoxa, historicism, model of culture, literary canon, cultural archetype

About the author: *Popović Tanja* — PhD, Professor of the Department of Comparative Literature and Theory of Literature of the Faculty of Philology, The University of Belgrade (Studentski trg 1, Belgrade, 11000, Serbia)

Received: February 15, 2020

Date of publication: May 25, 2020

For citation: Popović T. *Slavia Orthodoxa Literary Tradition: Between Canon and Archetype*. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*], 2020, vol. 18, no. 2, pp. 25–41. DOI: 10.15393/j9.art.2020.8243 (In Russ.)

References

1. Bakhtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [*Aesthetics of Verbal Creation*]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1979. 424 p. (In Russ.)
2. Blum G. *Zapadnyy kanon. Knigi i shkola vseh vremen* [*The Western Canon. Books and School of All Time*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2017. 671 p. (In Russ.)
3. Bocharov S. *Geneticheskaya pamyat' literatury* [*Genetic Memory of Literature*]. Moscow, The Russian State University for the Humanities Publ., 2012. 341 p. (In Russ.)
4. Vodolazkin E. G. About Medieval Writing and Modern Literature. In: *Tekst i traditsiya: al'manakh 1* [*Text and Tradition: Almanac 1*]. St. Petersburg, Rostok Publ., 2013, pp. 37–65. (In Russ.)
5. Esaulov I. A. *Russkaya klassika: novoe ponimanie* [*Russian Classics: New Understanding*]. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2012. 448 p. (In Russ.)
6. Lotman Yu. M. *O poetakh i poezii* [*On the Poets and Poetry*]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPb Publ., 2011. 848 p. (In Russ.)
7. Ranchin A. Ancient Russian Literature and Russian Literature of New Age: on the Question of Continuity. In: *Tekst i traditsiya: al'manakh 1* [*Text and Tradition. Almanac 1*]. St. Petersburg, Rostok Publ., 2013, pp. 66–82. (In Russ.)
8. Tynyanov Yu. N. *Arkhaisty i novatory* [*Archaists and Innovators*]. Leningrad, Priboy Publ., 1929. 598 p. (In Russ.)
9. Tynyanov Yu. N. *Poetika. Istoriya literatury. Kino* [*Poetics. History of Literature. Movie*]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 578 p. (In Russ.)
10. Uspenskiy B. A. *Kratkyy ocherk istorii russkogo literaturnogo yazyka* [*A Brief Essay of the History of the Russian Literary Language*]. Moscow, Gnozis Publ., 1994. 242 p. (In Russ.)
11. Jakobson R. O. *Raboty po poetike* [*Works About Poetry*]. Moscow, Progress Publ., 1987. 464 p. (In Russ.)
12. Curtius E. R. *European Literature and the Latin Middle Ages*. Princeton, Princeton University Press Publ., 1953. 662 p. (In English)
13. Deretih Jovan. *The History of Serbian Literature*. Belgrade, Nolit Publ., 1981. 706 p. (In Serbian)
14. Obolensky D. *The Byzantine Commonwealth: Eastern Europe, 500–1453*. New York, Praeger Publishers Publ., 1971. 445 p. (In English)
15. Pavih M. *Istorija srpske književnosti klasitsizma i predromantizma. Klasitsizam* [*The History of Serbian Literature of Classicism and Pre-romanticism. Classicism*]. Belgrade, Nolit Publ., 1979. 570 p. (In Serbian)
16. Picchio R. *Letteratura della Slavia ortodossa* [*Orthodox Slavic Literature*]. Bari, Edizioni dedalo Publ., 1991. 546 p. (In Italian)
17. Picchio R. Open Questions in the Study of the 'Orthodox Slavic' and 'Roman Slavic' Variants of Slavic Culture. In: *Contributi italiani al XII Congresso*

- internazionale degli slavisti* [*The Italian Contribution to the 12th International Congress of Slavists*], Napoli, 1998, pp. 1–23. (In English)
18. Popović T. *Pesnitsi i poklnitsi* [*Poets and Admirers*]. Belgrade, Sluzhbeni glasnik Publ., 2010. 257 p. (In Serbian)
 19. Popović T. *Istočni kanon* [*The Eastern Canon*]. Novi Sad, Izdavachka knjižarnitsa Zorana Stojanovića Publ., 2019. 277 p. (In Serbian)
 20. Skerlić J. *Istorija nove srpske književnosti* [*The History of Serbian New Age Literature*]. Belgrade, Prosveta Publ., 1964. 581 p. (In Serbian)
 21. Wellek R. *The Concepts of Criticism*. New Haven, Yale University Press Publ., 1963. 420 p. (In English)